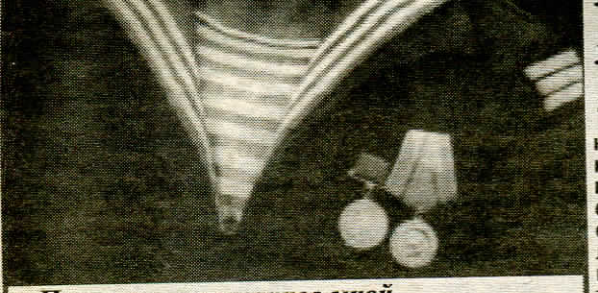

Судьба нашего земляка, почетного гражданина Кольчугино, участника обороны Севастополя в грозные годы Великой Отечественной Виктора Николаевича КОЛЕСОВА тесно переплелась с Черноморским флотом.

Пусть все, написанное мной,
Напомнит время боевое.
Дружба, рожденная войной,
Для моряков - дело святое.

Участник обороны Севастополя (1941-1942г.), старшина 1 статьи Виктор Николаевич Колесов

У самого синего Черного моря
Стоит величаво мой город-герой,
Как часовой, два полных века
Хранит покой земли родной.

Это стихотворение Виктор Николаевич посвятил не менее родному и любимому, чем Кольчугино, городу-герою Севастополю.

Последнее воскресение июля - День Военно-Морского флота. В канун праздника наш известный земляк пришел в редакцию, чтобы вспомнить о пережитом, еще раз вспомнить погибших товарищей, героическую оборону.

- Виктор Николаевич, как Вы попали в Военно-Морской флот?

- Меня призвали служить срочную службу здесь, в Кольчугино. До войны работал в цирке, а когда номер распался, работал инструктором физкультуры на заводе имени Орджоникидзе, спортивное общество «Искра» тогда было. Наступил 39-й год, обстановка в мире ухудшилась, фашисты напали на Польшу. Мне тогда 22 года исполнилось, по закону меня вообще в армию могли не призывать: я единственный сын у родителей. Из города уехали 31 октября 1939 года с железнодорожного вокзала. Рядом с вокзалом, здание сейчас уже снесли, стоят две березки. Они тогда были совсем молоденькие, они-то и провожали меня. Старого вокзала уже нет, но я навещаю «своих подружек», в год раза два прихожу к ним.

- Кроме березок, вас никто не провожал?

- Провожала моя будущая супруга, тоже совсем девчонкой была тогда. Призвали меня в морфлот, я по физическим данным подходил: был мастером спорта по акробатике, артистом цирка, много тренировался.

3 ноября мы приехали в Севастополь. Сначала нас направили в экипаж, это перевалочный пункт, где экипируют, распределяют. Затем переслали в другую бухту и отправили в роту связи Военно-воздушных сил Черноморского флота. Там я служил первые месяцы, но молва быстро распространилась: у нас артист служит. По приказу вице-адмирала Кулакова меня перевели на дальнейшую службу в ансамбль Черноморского флота артистом ансамбля.

На каждой военно-морской базе есть Дом военно-морского флота, это как клуб. Я был заместителем секретаря комсомольской организации, что приравнивалось второму секретарю райкома комсомола, так как севастопольский Дом ВМФ являлся методическим центром культурно-просветительной работы.

- Каким был Севастополь накануне войны?

- Предвоенная суровость ощущалась, но никто не думал о такой страшной, кровавой и разрушительной войне. Вторая мировая уже разгорелась, и ее отсветы мерцали на наших границах. Военные знали, что войны с фашистами не миновать и готовились к этому. Севастополь перед войной был прекрасен: памятники архитектуры, фонтаны, дома из аккерманского камня. Аккерманский камень - это морская порода, веками формировавшаяся и руками каменотесов обработанная. Страшно было видеть потом, как эти дома в песок под ударами бомб рассыпаются. За время обороны на него упало пять тысяч снарядов, 250 тысяч бомб, миллионы пуль, мин и гранат. Но бог войны Марс был иногда милостив к этому городу. Все было разрушено, лишь один дом остался цел: здание библиотеки, где чудом были спасены книги и документы, принадлежавшие адмиралам Нахимову, Корнилову и нашему земляку Михаилу Петровичу Лазареву, сыну владимирского губернатора.

- Как для Вас началась Великая Отечественная война?

- 22 июня в час ночи всех собрали по тревоге: прогремело девять выстрелов пушки, это сигнал такой. Прибыли на свои места службы, ждем, дальнейших приказов нет. Я прибежал в Дом ВМФ, вместе со мой был преподаватель института культуры. Час прошел, два - тихо. Лег на стол отдохнуть, а надо мною висела люстра 60-ти пудовая, хрустальная с золотом. Что-то вдруг заставило меня уйти с этого места, и я остался жив, так как от взрыва бомбы люстра упала на стол. Так, с первой секунды войны мне повезло. Все восемь месяцев обороны я был в Севастополе, город простреливался с юга на север и с востока на запад. Вместе с ансамблем мы давали концерты,и еще я занимался политработой. У меня была специальная нашивка была - политбоец.

В первые дни войны мы все, артисты ансамбля, написали письмо с просьбой отправить нас на фронт. Командующий Черноморским флотом и Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал В.С. Октябрьский сказал тогда, что началась страшная война, что на Черноморском флоте на вооружении два линкора. А мы все знаем, что на Черном море всего один линкор - «Севастополь», ну, думаем, испугался командир, не то говорит. А он продолжает: «Линкор «Севастополь» можно вывести из строя торпедными ракетами, а второй наш линкор - ансамбль песни и пляски Черноморского флота, который губить нельзя, это тоже оружие против врага. Если мы будем только плакать, стонать и хоронить, то мы не победим. Приказываю охранять каждого артиста, при эвакуации распределять на разные катера, чтобы не погиб костяк ансамбля. Если будет необходимость, я сам вас направлю на передовую линию».

Лев Толстой, участник обороны Севастополя 1854-1855 года, говорил, что русский дух есть множитель, умноженный на массы, дающий произведение силы. Надо понять, что дает силы русской душе, наш командующий Октябрьский это понимал.

- Какие трудности испытывали Вы вместе с моряками флота во время обороны города?

- Со снабжением были трудности. Крым - район не сельскохозяйственный, зерно и пшеницу там не выращивают. Но запасы продуктовые были, к войне готовились. В знаменитой Массандре, где производили вина, известные и в Союзе и за рубежом, осталось на складах два миллиона бутылок шампанского, большие запасы консервов были.

«Если ты бескозырку надел, то каждый стал и храбр, и смел», - так примерно пелось в известной флотской песне. Но это далеко от истины: началась бомбежка, падали дома, превращаясь в руины. Тут и страх, и мурашки по коже, и седина ранняя: война - страшное и ужасное дело,что и врагу не пожелаешь. В первый день 75 человек погибло, мы участвовали в похоронах. Волосы на погибших тлели, бескозырками носили воду и лили на их головы. Слезы у всех на глазах. Самое тяжелое: видеть смерть своих товарищей.

Или еще пример мужества. Июнь 1942 года, все горит, город вот-вот захватят фашисты. 40 раненых бойцов лежат на пристани и ждут катер для эвакуации на Кавказ. Тут прибежали женщины с детьми, около 100 человек. Тогда матросы решили остаться, уступить свои места женщинам и детям. Только сказали: «Положите каждому из нас на грудь гранату: живыми не сдадимся.» Так и сделали. И они подорвали вместе с собой более 200 фашистов. Величайшее благородство проявили, вот почему мы и победили.

Некоторые иногда говорят, пишут: то и то было не так, не так воевали. А я скажу: и воевали здорово, а критиковать войну, не видя ее, никто не имеет права. Порядок был и в армии, и на флоте. Обстрелы непрекращающиеся, бомбежки, а каждый день ровно в два часа дня едет боец на лошадке, везет обед. Без этого не могли бы воевать: каждый на своем месте, на своем посту делал каждодневно свое дело. Так и держали оборону восемь месяцев.

Не могу в канун Дня Военно-морского флота не вспомнить моих товарищей, которые 7 июня 42 года спасли меня от смерти. Это мои друзья, спортсмены: Константин Лещинский, мастер спорта по тяжелой атлетике, чемпион СССР в своей весовой категории, и Виктор Овчаренко, мастер спорта штыкового боя, так тогда фехтование называлось. В последние дни обороны призвали всех на фронт, так как в живых осталось не более 5,5 тысяч бойцов. Я приехал на передовую как политработник и хотел остаться с ребятами. Было много убитых, и наших, и фашистов, можно было любой автомат себе подобрать. Но мне сказали: тебя могут убить, будем стоять до последнего. Кто о нас тогда расскажет? И я вернулся в Севастополь, они не дали мне погибнуть, я выполняю их наказ. Это были настоящие русские богатыри: рослые, сильные. Они все погибли, бой перешел в рукопашный, Овчаренко убил в штыковом бою 11 фашистов, Лещинский - 10. Сейчас в Донецке проводятся спортивные соревнования - мемориал в честь Константина Лещинского. Вечная им память!

- Виктор Николаевич, а что согревало душу бойца в те тяжелые дни войны?

- Самое удивительное, что любили русскую классику. Когда я выступал, как боец ансамбля,то читал стихи Пушкина, бойцы сами меня просили об этом. Любили песни композитора Александрова, патриотические песни, все это поднимало дух бойцов, но после всегда просили почитать классику, стихи, любимые с детства. Я тоже писал тогда стихи, меня просили сочинить что-нибудь о цветах, поле, луге, чтобы напоминало родной дом, деревню: Так появилась песня о полевых цветах, ее и сейчас поют моряки Черноморского флота. На Северном флоте популярна моя «Тельняшка», она стала почти маршевой песней. Это о морской душе, морской дружбе и братстве.

- А почему «морская душа», тельняшка, полосатая?

- Ну, это, наверное, многие знают: море и небо, синее и белое, только море и небо видят моряки в плавании. У моряка даже могила - море: «Мы не найдем, где прах его, в морских волнах его могила...»

Еще много и много поведал Виктор Николаевич Колесов на встрече в редакции в канун Дня ВМФ: о необыкновенных встречах, забавных случаях в цирке, о своей дальнейшей работе. Определение «пенсионер» не для него: он выступает перед молодежью, пишет стихи, участвует во всех важных мероприятиях округа.

Вместе со старшиной 1 статьи Черноморского флота Виктором Николаевичем Колесовым поздравляем российских военных моряков с Днем Военно-Морского флота, а также всех, для кого российский флот стал частью судьбы, частью жизни!

Г. ЕГОРОВА

На фото В.Н. Колесов, 1944 год г. Поти